

Памяти Дориана Сергеева

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АРУТЮНОВ

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва
 Доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий отделом
 народов Кавказа ИАЭ РАН
 e-mail: gusaba@iea.ras.ru

Статья посвящена раскопкам древних эскимосских могильников на Чукотке, проводившихся Д.А. Сергеевым (совместно с С.А. Арутюновым), в 1958–1962 годах под общим руководством М.Г. Левина, а после его кончины и до конца 1970-х годов – самостоятельно, обстоятельствам их начала и их научным результатам.

Ключевые слова: Д.А. Сергеев, М.Г. Левин, чукчи, науканские эскимосы, Уэлен, полевая антропология, археология Чукотки, Уэленский могильник, Эквенский могильник.

UDC 39.56

In Memory of Dorian Sergeev

SERGEI A. ARUTYUNOV, D.Sc. (History)

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow
 D.Sc. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chair of the Department
 of Caucasian Peoples of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
 e-mail: gusaba@iea.ras.ru

The article is dedicated to the excavations of the ancient Eskimo burial grounds of the Chukotka region carried out by D.A. Sergeev (together with Sergei A. Arutyunov) in 1958-1962 under the general supervision of M.G. Levin, and after Sergeev's death, and up to the late 1970s, solely by Levin, the circumstances surrounding the excavations' start and its scholarly results.

Key words: D.A. Sergeev, M.G. Levin, Chukchi, Naukan Eskimo people, Uelen, field anthropology, archaeology of the Chukotka region, Uelen burial ground, Ekven burial ground.

В 1957 году закончился срок моей аспирантуры, и с 1 октября я был зачислен в Институт этнографии на должность младшего научного сотрудника. Диссертация в основном была готова, но для защиты ее нужно было еще существенно доработать и обеспечить публикациями (забегая вперед, скажу, что защитить ее мне удалось только в 1962 году). Кроме работы над диссертацией, я был постоянно занят изучением литературы по антропологии Японии, помогая моему незабвенному учителю и руководителю Максиму Григорьевичу Левину, в то время как раз работавшему над своей книгой по антропологии японцев. Литература, которую требовалось охватить, была весьма обширна, и если табличный, цифровой материал Левину был

понятен с одного взгляда, то словесный комментарий на японском языке читал ему я. Он был очень важен и для моей диссертации, а еще важнее были те обсуждения, на которые Максим Григорьевич не жалел времени и которые заложили основы для развития моего научного кругозора, можно сказать, в планетарном масштабе. Будучи поглощен этой работой, я не особенно задумывался над причинами, побудившими Максима Григорьевича летом того года уехать на пару месяцев на Чукотку, тем более, что многими годами ранее он уже работал в соседнем охотско-эвенском регионе, собрав немалый археологический и этнографический материал по эвенкам Ольского района, восточнее Магадана. Но рассказ М.Г. о Чукотке очень меня впечатлил.

Он говорил о молодом, несколько лет назад закончившем Ленинградский университет, учителе-историке Дориане Сергееве, который после окончания университета поехал преподавать историю в небольшой поселок на Чукотке, где прошло все его детство практически с младенчества (мать Дориана, Катерина Семеновна, была одной из первых учительниц на Чукотке, а до того – на Командорских островах). Дориан Сергеев создал в сельской школе археологический кружок из старшеклассников, самостоятельно построил вместе с ними кожаную байдару местного типа, обследовал с ними на этой байдаре все побережье на сотни километров на восток и на запад от бухты Провидения, в которой находился этот поселок – Урелик, создал при школе археолого-этнографический музей и, наконец, в 1955 году открыл уникальный памятник – древнеэскимосский могильник, расположенный на склоне сопки Уэлленэй, возвышающейся над поселком Уэлен. Захоронение было разрезано солдатами-пограничниками, которые прокопали учебную траншею прямо по краю древнего кладбища. По счастью, Дориан со своими учениками находился в это время в Уэлене и сразу понял значение этой первой находки древнеэскимосского погребения на азиатском побережье и второй после Ипиутакского могильника на Аляске. М.Г. был очень впечатлен Уэленом и несказанно рад открытию могильника. Он намеревался раскопать его полностью, сколько бы это не потребовало времени, так как до тех пор краниологический материал по древним эскимосам Азии вообще отсутствовал, а принадлежность Ипиутакского могильника на Аляске вызывала ряд сомнений. Увлеченный его рассказом, я спросил М.Г., нельзя ли и мне принять участие в его следующей экспедиции, и он охотно согласился. Я впервые увидел Дориана в середине мая 1958 года, когда мы должны были уезжать на Чукотку. К этому времени он уже вернулся с Чукотки в Ленинград, куда Катерина Семеновна переехала несколько раньше, и был зачислен научным сотрудником в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру). Наш путь лежал по ж/д до Владивостока (он занимал неделю). Несколько дней мы должны были провести во Владивостоке, затем отправиться паромом в порт Провидения на Чукотке (8 дней). С нами ехало большое количество багажа, т.к. с собой нужно было вести все снаряжение, включая ломы, лопаты и даже черенки для них. Ни на какие закупки на Чукотке рассчитывать было нельзя, хотя кое-что мы должны были докупить и во Владивостоке. М.Г. и его друг Игорь Петрович Лавров, художник экспедиции, решили лететь самолетом и догнать нас в Провидении.

С первых минут нашего знакомства мне стало ясно, что за плечами Дориана не только более долгая, но и несравненно более сложная и богатая житейским опытом жизнь. Дориан был на четыре года старше меня, но если мой трудовой опыт сводился к подсобной работе в мастерской в военные годы да к эпизодическим студенческим подработкам, то Дориан начал свою трудовую жизнь в 12 лет коком (поваром) на китобойной шхуне. Успел побывать и грузчиком на железной дороге, и буфетчиком в фешенебельном ресторане, и, Бог знает, кем еще. Конечно, и мое детство и юность никак нельзя было назвать легкими, это были тяжелейшие военные и голодные послевоенные годы. Кроме того, лишившись матери в 1944 г., я жил вдвоем с отцом, полностью потерявшим в результате несчастного случая зрение и ставшим инвалидом 1-й группы. Но все же благодаря помощи маминой младшей сестры тети Людмы мы кое-как могли существовать. Дориан же с начала подросткового возраста должен был сочетать учебу с постоянной работой. Да много была и других различий не в мою пользу. У нас была всего пара дней на упаковку горы всевозможного груза, и я мог только поражаться, как ловко Дориан его сортировал, подгонял предмет к предмету, упаковывал, туго затягивал, завязывал тук замысловатыми, совершенно неизвестными мне узлами и превращал каждое место багажа в очень компактную, но для меня, хилого городского юноши, неподъемно тяжелую вещь. Сам он, впрочем, управлялся с этими тюками и ящиками так, как если бы они вообще ничего не весили. Дориан был несколько ниже меня ростом, но коренастый, сложенный атлетически и очень сильный человек. Со своей стороны он сразу понял, что моя физическая подготовка можно сказать на нуле, и принялся планомерно искоренять этот тяжелый недостаток.

Мы ехали до Владивостока в купе, где все время менялись случайные попутчики, как правило, народ бывалый, доброжелательный и компанейский. Немало среди них было любителей выпить, но Дориан был плохим компаньоном по этой части и больше одной-двух рюмок «на грудь» почти никогда не принимал, да и мне, глядя на него, было неудобно выпивать сколько-нибудь больше. Время проходило в наблюдении быстро сменявшихся за окном вагона разнообразнейших пейзажей – чем дальше на восток, тем более живописных и экзотичных, – и в бесконечных разговорах. За неделю пути мы успели рассказать друг другу очень многое о своем детстве, о семье, об учебе, о планах, а Дориан, принадлежавший к когорте учеников крупнейшего советского археолога А.П. Окладникова,

и о множестве экспедиций преимущественно в самых разных уголках Сибири, в которых ему выпало счастье побывать. К моменту прибытия во Владивосток, мы очень многое знали друг о друге и вполне успели подружиться. Наша тесная дружба продолжалась до самой кончины Дориана, кончины, увы, очень ранней – он умер после третьего инсульта 29 июня 1984 года всего в 56 лет от роду.

Прибыв во Владивосток, мы провели там несколько очень комфортных и приятных дней в основном заполненных дополнительной закупкой снаряжения и припасов. Тогда, в 1958 году, еще не было строгих ограничений по части оборота всяческого оружия, а охотничий билет у Дориана имелся. Надо сказать, что первые свои весьма успешные выстрелы по пернатой дичи он сделал на Чукотке еще в возрасте 10 лет, как впрочем любой чукотский или эскимосский мальчишка, с которыми он вместе рос и ходил в начальную школу, где преподавала его мать. Правда, при всей моей неуклюжести и неопытности, стрелком я тоже был неплохим и даже имел 1-й разряд, но на этом мои стрелковые навыки и кончались. Дориан же умел и скрадывать дичь, и бить ее влет или на воде с борта пляшущего на волнах вельбота, и разделявать тушу любого зверя – и мелкого, и самого крупного. И готовить дичь в полевых условиях, и снаряжать патроны, отмеряя сообразно калибру порох и дробь и забивая капсулы и пыжи. Все это он начал учить меня еще во Владивостоке, а на Чукотке обучение многократно усложнилось. Впрочем, я был весьма старательным учеником, так что на второй год экспедиции мог уже сам научить новичка очень многому, хотя конечно с впитанным с самых юных лет умением Дориана мне не сравниться было никогда.

Восемь дальнейших дней пути до бухты Провидения на теплоходе «Меридиан» тянулись довольно однообразно. Море если и штормило, то лишь иногда и не очень сильно, преобладали туманы, зато на редкость красивое зрелище представляло в такую погоду ночное свечение моря, вызываемое планктонными организмами – ночесветками. Качку я переносил легко, но разлеживаться на койке Дориан мне не позволял. Дни были заполнены в основном тренировками: я часами ходил по палубе, разнашивая сапоги, поскольку в Москве не проверил их толком и они оказались не вполне по ноге, а по словам Дориана (да и любого опытного полевика) при работе в поле хорошо сидящая обувь – это основа основ. Вращение на турнике, которое легко давалось Дориану, я так никогда и не смог освоить, но если в начале экспедиции я вообще ни разу не смог подтянуться и висел на перекла-

дине на вытянутых руках, уцепившись за нее беспомощным мешком, то к концу этого сезона мог уже подтянуться раз шесть-семь. Не Бог весть что, конечно, но для меня и это было большим достижением. В общем, в начале октября 1958 года в Москву приехал совсем другой человек, чем тот, который покинул ее пятью месяцами ранее.

Начинать раскопки на горе Уэленной можно было только, когда снег не только растает полностью, но и земля достаточно просохнет. Поэтому с немалыми приключениями, которые сейчас определенную опасность, мы прошли на небольшом катере (МРС – малый рыболовный сейнер) от бухты Провидения до бухты Лаврентия, зайдя по пути в заброшенный и сильно разрушенный поселок Кивак и в эскимосский поселок Чаплино, где тогда еще оставалось довольно многочисленное население. Однако, поселок Чаплино доживал последние дни; через год всех его жителей переселили в бухту Ткачен. В Новом Чаплине, в Ткачене, условия для строительства, да и для жизни, были намного лучше, но охота и на китов, и на моржей, и тюленей – основа традиционного существования эскимосов и береговых чукчей – была по сравнению со старым Чаплино сильно затруднена и гораздо менее продуктивна. Но советское партийное начальство, почти сплошь приезжее и малообразованное, таких вещей не понимало и не учитывало.

В бухте Лаврентия опять-таки мы задержались на несколько дней. Здесь я отметил свое 26-летие, ознаменовав его прогулкой вместе с Дорианом и одним местным жителем в близлежащую тундру.

Это было 1 июля и приполярная ночь была абсолютно светлой и в основном даже солнечной. Каждый из нас сумел скрасть и подстрелить по утке, хотя лета почти не было. Так началась моя охотничья карьера.

Через несколько дней мы двинулись дальше на двух чукотских вельботах, но тут погода испортилась, начался шторм, и мы зашли в поселок Нунымо, где тоже застряли на несколько дней. В поселке Лаврентия находились районный центр, приличный магазин и даже столовая. Зато в Нунымо вообще не было никакой еды, кроме копальгена (квашеного моржового мяса), запах которого для европейского обоняния был весьма непривычен и, выражаясь словами А. Райкина, «специфичен». Дориан и Игорь Петрович, который много лет тому назад не один год прожил в Уэлене, работая директором и художественным руководителем тамошней косторезной мастерской, кое-как могли его есть. Но МГ никак не мог на это решиться, в отличие от меня, хотя и

мне этот «подвиг» дался нелегко. Поэтому мы с Дорианом стреляли кайр и бакланов (утки в штормовую погоду не показывались). Возни с готовкой такой дичи было много, а результат получался лишь условно съедобным. Впрочем, многие чукчанки и эскимоски даже баклана ухитрялись приготовить очень вкусно, правда, обрабатывали тушку очень долго, тщательно удаляя с нее мельчайшие остатки жира – основного носителя неприятного рыбного запаха.

После Нунымо мы имели еще двухдневную остановку в Наукане, исключительно живописном селении, где все строения представляли собой круглые яранги с каменными стенами и покрытиями из моржовых шкур, лепившиеся как ласточкины гнезда по крутым восточным склонам горы Уэленной. Это был последний год существования этого удивительного поселка. Мы как раз попали на собрание жителей, на котором первому секретарю Лаврентьевского райкома эскимосу Каля удалось уговорить их согласиться на переселение. Тогда по этому случаю в Наукане был даже устроен праздник с танцами и пением под аккомпанемент бубнов. Первоначально наукавцы переселились в Нунымо и частично в Уэлен, но так и не прижились там, и сейчас их потомки живут разбросанно по многим поселкам Чукотки.

В Уэлен мы прибыли уже не на вельботах, а на науканских байдарах, обтянутых моржовой кожей. Шторм более менее стих, но волнение продолжалось, и прибор в Уэлене был слишком сильным, чтобы его мог преодолеть тяжелый вельбот, а мелкая байдара, отыгрывающаяся на гребне волны, хотя и с некоторым риском, но в общем такую задачу выполнить могла.

Во время всех наших остановок мы с Дорианом ассистировали М.Г. Левину в его антропологических наблюдениях. Дориан, легко находивший общий язык с эскимосами старшего поколения, был незаменим при этнографическом опросе. Самые старые эскимосы по-русски говорили плохо, но многие из них, гораздо лучше чем русским владели английским языком, поскольку до начала 1920-х годов общались с американскими торговцами или миссионерами. И тут роль толмача переходила ко мне. Кроме того, я делал снимки, в особенности пожилых женщин, у которых и лица, и руки были густо покрыты татуировкой. Татуировка чукчанок была гораздо проще, но даже некоторые девушки из семей оленеводов моего возраста или чуть моложе (20–25 лет) случалось имели несколько линий, прочерченных вдоль носа и на подбородке. При этом все они были комсомолки и, как правило, окончившие среднюю школу.

В Уэлене мы жили в одном из помещений косторезной мастерской, питались главным образом свежей моржатиной и китятиной, которые в поселке имелись более или менее постоянно, но иногда мы с Дорианом совершали вылазки в соседнюю тундру и возвращались с двумя-тремя гусями. Никакой охотинспекции тогда в этих местах не было, никаких сроков и правил никто не соблюдал, и каждый вечер в поселке слышались пронзительный свист и ружейная пальба. Это уэленцы стреляли в уток прямо с порогов своих жилищ. Утки стаями, порой очень большими, пролетали с лагуны на море и обратно, при этом пересекая косу, на которой стоит поселок. Свист же имел целью заставить уток снизиться в полете. Не знаю почему, но они реагировали именно так. Иногда они снижались до высоты трех-четырех метров, и тогда чукотские мальчишки, слишком маленькие, чтобы брать в руки ружье, раскручивали и кидали в стаю закидушки – бола (чук. – *вийей*). В детстве, как говорил Дориан, он этим занимался тоже. Иногда закидушка, состоявшая из десятка или более моржовых зубов, могла опутать крылья утки, и та падала на землю, если не мертвая, то хотя бы оглушенная. Не мало таких закидушек, точнее зубов моржа с дырочками в корне, нам попадались в погребениях любой эпохи.

Уэленский могильник был раскопан за три полевых сезона, а затем работы были перенесены в расположенный в 25 км южнее вновь открытый Эквенский могильник. Там уже мы жили в палатках и более или менее «на подножном корму», питаясь главным образом продуктами охоты и рыбалки, тогда как запасы круп, чая, сахара, галет у нас были довольно ограничены. Как правило, отряд состоял из четырех человек и иногда на некоторое время пополнялся местными рабочими из числа науканских эскимосов, нашедших пристанище в Уэлене. В 1962 году последний раз с нами был МГ, который уже часто жаловался на недомогание. Вернувшись в Москву, он вскоре слег в больницу, и 18 апреля 1963 года его не стало. После этого намечать исследовательскую стратегию и строить интерпретацию материала нам с Дорианом пришлось вдвоем, а вскоре и втроем, т.к. в чукотско-эскимосские исследования активно включился и В.П. Алексеев (впоследствии академик и директор Института археологии РАН). В тесном творческом и дружеском сотрудничестве нам удалось за двадцать лет полевых работ сделать немало. Всех статей, сообщений и докладов, в т.ч. на многих международных конгрессах и на разных языках я перечислять здесь не буду, но выделю две фундаментальные книги: «Древние культуры

азиатских эскимосов (Уэленский могильник)». М.: Наука, 1969, 207 с. и «Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник)», М.: Наука, 1975, 240 с. Обе книги были переведены и изданы на английском языке сначала несколько раз в сокращенном виде в электронной версии, а затем в переводе Р.Л. Блэнда в 2007 г. изданы полностью в США в Орегоне Национальной парковой службой. Парковая служба распространяет эти тома бесплатно всем ученым, интересующимся данной проблемой, так что результаты наших с Дорианом работ сейчас широко известны и доступны.

Многолетнее содружество с Дорианом оказало определяющее воздействие на всю мою последующую жизнь. И если в научном плане наибольший объем знаний я получил от М.Г. Левина, то в бытовом, житейском, практическом плане львиной долей своих умений я обязан Дориану.

Сейчас эстафету исследований древнеэскимосских и чукотских памятников Восточной

Чукотки продолжают сотрудники Государственного музея Востока – М. Бронштейн, К.А. Днепровский и др.; одни непосредственно в поле, а другие по состоянию здоровья и по возрасту уже только камерально, но весьма активно и результативно.

Древние памятники Чукотки приобрели мировую известность, работы о них переводятся и публикуются на многих иностранных языках – английском, немецком, японском и др.

Кроме археологических работ Дориан Сергеев вместе с В.П. Алексеевым вел и этнографические работы на Чукотке. В 1971 г. в этих работах приняли участие М.А. Членов и И.И. Крупник. В 1976 г. М.А. Членовым был открыт памятник совершенно особого характера, ставший известным в науке как «Китовая аллея». В 1979 г. в его исследовании принимал участие Левон Абрамян. Но здоровье Дориана Андреевича к этому времени было уже существенно подорвано. Он уже не мог участвовать в полевых работах такого рода, а в 1984 г. его не стало.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 391.069.5(411.16)

Рецензия на книгу: Путь веры длиной в столетия. Церковь Ингрии: 400 лет истории, 40 лет без храмов, 4 вехи возрождения /

Под общей ред. Еп. Церкви Ингрии А. Кугаппи. СПб.: 2012. – 296 с., с илл.

ПАВЕЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ КРЫЛОВ

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
e-mail: pavel_kryloff@mail.ru

В рецензии особое внимание уделено оценке воспоминаний о Лютеранской церкви рядовых членов сельских приходов, жителей финских деревень и хуторов Ленинградской области за длительный период времени: от эпохи, предшествовавшей массовым репрессиям финнов Ингерманландии 1930-х гг., до восстановления современной церкви Ингрии.

Ключевые слова: Церковь Ингрии, история лютеранской церкви, лютеранская церковь в XX веке, воспоминания.

UDC 391.069.5(411.16)

Book Review: Faithful Road Through Centuries Church of Ingria: 400 Years of History, 40 Years without Temples, 4 Benchmarks of Reviva.

Ed by Rev. Bishop Aarre Kuukauppi. St Petersburg, 2012. – 296 p. Ill.

PAVEL V. KRYLOV, Ph.D. (History)

Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg
Researcher
e-mail: pavel_kryloff@mail.ru

The article focuses on reviewing the memories of the Lutheran Church by ordinary members of rural parishes, the inhabitants of Finnish villages and the farms of the Leningrad Region over a long period of time: from the era preceding the mass repressions of the Finns of Ingermanlandia in the 1930s to the reconstruction of the modern Church of Ingria.

Keywords: the Church of Ingria, the history of the Lutheran Church, the Lutheran Church in the 20th century, memories.